

Российская академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая

ПРИАРАЛЬЕ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*К 60-летию
Хорезмской археолого-этнографической
экспедиции*

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1998

Г.А.Брыкина

Культы и культовые места в Фергане

Верования — одно из важнейших явлений в духовной жизни человечества. В древности они проникали во все сферы общественной жизни и определяли поведение людей. Вместе с тем из-за ограниченности источников эта область остается, к сожалению, наименее изученной.

Ценным источником, отражающим мировоззрение древних людей, являются мифы и легенды, лучше всего изученные в Хорезме.

Во всех развитых современных религиях имеются элементы древних поверий и культов. Это помогает составить представление о культах и поверьях древних людей и объяснить некоторые элементы их духовной и материальной культуры.

Фергане, как и вообще всей Средней Азии, был свойствен политеизм. Ни одна из мировых религий не получила здесь широкого распространения. По этнографическим данным, в Фергане существовало множество поверий: фетишизм, поклонение воде, скалам, деревьям, вера в могущественную силу всевозможных амулетов. Дерево играло большую роль в весенних обрядовых праздниках, в свадебных церемониях. Связь дерева с культом плодородия ярко выражена у многих народов. Деревья часто наделялись душой и выступали в качестве тотема [Литвинский, 1981, с. 106]. Степень «святости» разных деревьев различна. Наиболее почитаемой была арча. В Варзобе ее называли «любимицей богов». Почитаемым деревом была также ива [Писарчик, 1987, с. 251].

Считалось, что злые силы населяли окружающую среду и вредили людям. Люди прибегали к помощи всевозможных оберегов — предметов, обладающих магической силой. К их числу относятся многие виды украшений, вышивки на детской одежде, жук-скарабей, почитаемый не только как средство от сглаза, но и как талисман, способствующий деторождению [Васильева, 1986].

В обычае ношения амулетов нашли отражение ранние формы религий: тотемизм, фетишизм, различные виды магии. Традиция ношения амулетов восходит к первобытным верованиям. Амулеты имели разную форму и вид. Чаще всего они являлись изображением зверей, птиц, насекомых. В них отразился культ животных, наделенных сакральными свойствами (баран, горный козел). Косточки барана являлись составной частью различных ожерелий. Наиболее широко были распространены изображения рогов барана. Они увенчивали женские головные уборы и были частью нагрудных украшений.

Из птиц наиболее почитаемыми были фазан, павлин и петух. Налобные и височные украшения в форме птиц, к которым иногда прикреплялись птичьи перья и когти, носили только женщины — потомки древнего местного оседлого населения.

Согласно поверьям, магической силой обладали пресмыкающиеся, земноводные, насекомые. Их изображения имеются на различных украшениях и известны глубокой древности. Особенно широко были распространены стилизованные изображения змеи на браслетах.

Древнюю традицию имеют ожерелья из различных бус, включающих раковины каури. Среди ювелирных изделий были распространены украшения из драгоценных и полудрагоценных камней. Считалось, что они также обладали магической силой и потому использовались в медицине. Наиболее популярными камнями были сердолик, бирюза, коралл. В X—XI вв. эти камни считались талисманами: бирюза как символ чистоты и непорочности, приносящая счастье ее обладателю; сердолик — камень здоровья; коралл широко применялся в медицине. Полагали, что ношение его приносит большое потомство [Борозна, 1975].

Древнейшие культовые места не были архитектурно оформлены. Религиозные церемонии совершались у почитаемых объектов. Ими могли быть отдельные скалы и камни, деревья, источники. На скалах встречается множество всевозможных изображений отдельных животных, а также целые сцены. Их, как правило, обнаруживают в ущельях и около пастбищных угодий, вблизи от источников. Рисунки наносились на ровные поверхности скал, на большие валуны.

В юго-западной Фергане в верховьях р. Ходжа-Бакырган (Ляйляк) нами открыты рисунки на больших валунах. Преобладают изображения баранов и горных козлов, а на одном из камней среди этих животных помещен человек с луком. Эти рисунки выполнены скорее всего в середине I тыс. до н.э. и в последующее время. Здесь же множество посетительских надписей на арабском и персидском языках. Самые поздние из них датированы XVI в.

Среди множества наскальных изображений, открытых в горах Ферганы, особое место занимают изображения, обнаруженные на перевале Ферганского хребта, в долине р. Кугарт, и известные под названием Саймалы-таш, что означает узорчатый камень. Это своего рода картинная галерея на камне, создававшаяся в течение более чем полутора тысяч лет и насчитывающая несколько тысяч изображений. А.Н.Бернштам выделял четыре периода, или «слоя», изображений: 1. Предсакский — II — начало I тыс. до н.э. 2. Сакский — VIII—III вв. до н.э. 3. Гунно-усуньский — III в. до н.э. — II в. н.э. 4. Гунно-тюркский — III—VII вв. н.э. [Бернштам, 1952, с. 128].

Здесь есть изображения отдельных персонажей (людей и различных животных — быков, козлов, оленей, лошадей и др.) и композиции, включающие большое число людей и животных. Часты изображения сцен охоты, культовой пахоты и езды на колесницах. В упряжь нередко были впряжены разные животные (бык, козел). Поэтому прав Я.А.Шер, утверждающий, что эти сцены следует рассматривать как ритуальные [Шер, 1978, с. 170].

Огромное количество и многообразие солнечных знаков в Саймалы-таше — и примитивные круги, и свастики, столь широко распространенный символ у древних народов, и круги с расходящимися лучами [Помаскина, 1976, с. 23—25, рис. 58—60 (рис. 1)] — свидетельствует о том, что солнце было основным объектом поклонения и почитания.

Изображения на Араванской скале I тыс. до н.э. не так многочисленны, как в Саймалы-таше. На верхнем камне выбиты фигуры трех козлов, идущих влево, одного оленя (?), двух собак, повернутых вправо, и шесть человеческих фигур в разных позах. А.Н.Бернштам полагал, что это, несомненно, культовая сцена — люди исполняют культовый танец. Рисунки коней, идущих вправо, появились

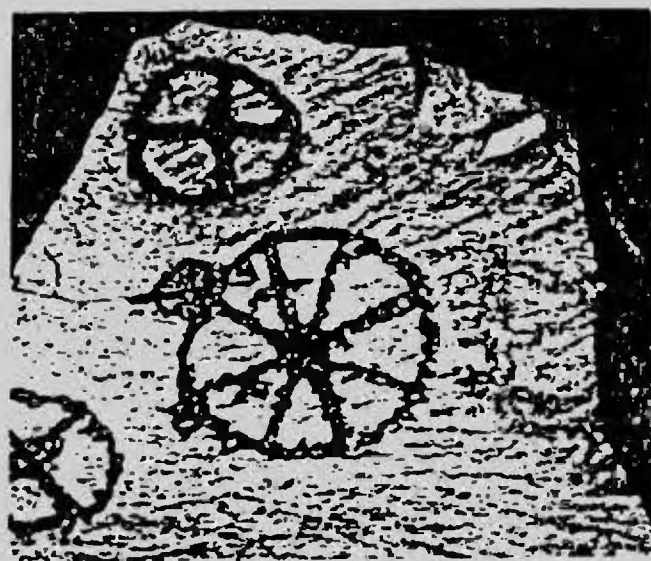
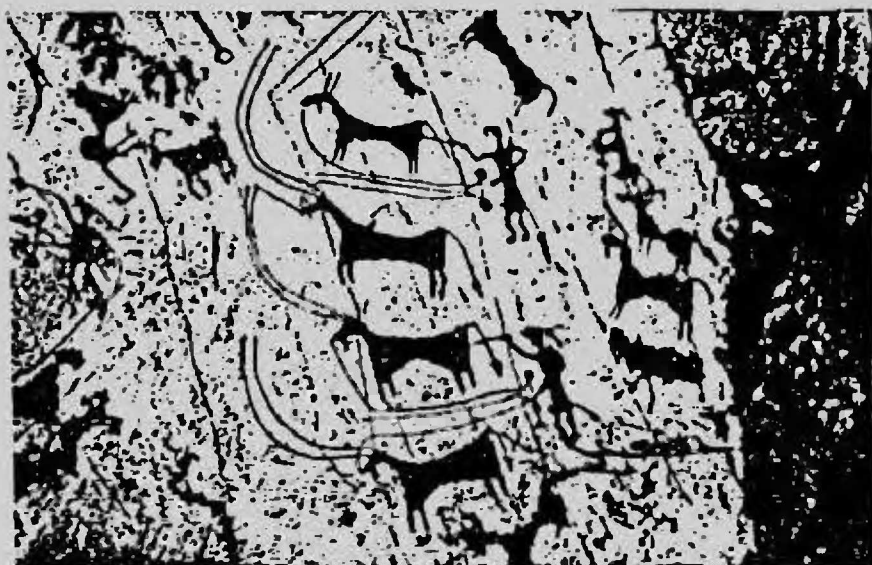

Рис. 1. Саймалы-таш. Наскальные изображения

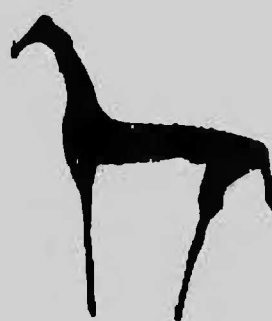

Рис. 2. Арават. Наскальные изображения

позже, точно так же как и стилистически сходные с ними кони, изображенные на плоском камне. А.Н.Бернштам полагал, что этот тип лошадей, видимо, представлял местную породу, хорошо известную по письменным источникам и ценившуюся на Востоке, особенно в Китае [Бернштам, 1952, с. 223—224]. Сцены с изображением коней, как полагал А.Н.Бернштам, также культовые. Они посвящены размножению коней (рис. 2). По мнению этого ученого, животные, изображенные на скалах, не являются объектами охоты. Они предстают как символы благополучия и «эмблемы солярного культа» [Бернштам, 1952а, с. 223].

Араванская скала и Саймалы-таш с изображениями культовых сцен поклонения солнцу превращались в своего рода храмы, где совершали отправление культа многие поколения. Ритуал поклонения сопровождался возжиганием огня.

Араванская скала и родник у ее подножия почитались и мусульманами. Здесь был построен мавзолей Думдум-ата.

В областях с развитым производящим хозяйством, какими были Хорезм, Фергана и другие области, в верованиях и обрядах населения участвуют домашние животные, среди которых в первую очередь следует отметить быка, верблюда и собаку. Особенно почитался бык. На торжествах в честь Бобо-Дехкона в Хорезме жарили богурсак. Быку же смазывали рога жиром. В честь новорожденных телят устраивали праздники, во время которых на телят вешали амулеты от сглаза. Свидетельством сакрального значения быка является его участие в качестве жертвенного животного в весенней чистке каналов, по которым вода шла на поля. Предполагалось, что это жертвоприношение обеспечит обилие воды в каналах и соответственно хороший урожай [Снесарев, 1969, с. 310].

Связь быка с водой имеет давнюю традицию. Она иллюстрируется археологическими материалами. Из Кайрагача происходят керамические ритоны (рис. 3), сливы которых оформлены протомами бычьих голов [Брыкина, 1982, с. 76, рис. 51—54]. Ритоны — сосуды ритуального назначения. Они, несомненно, подчеркивают сакральную связь быка с водой. На средневековых поселениях неоднократно находили сосуды для воды, известные под названием мургоби. Носик-слив этих сосудов завершается головкой быка с открытой пастью [Снесарев, 1969, с. 329; Брыкина, 1974, с. 51, рис. 29, 1—4].

Значительное место в культах древних народов принадлежит барану. Он являлся оберегом. Считалось, что баран обладает магической силой. Его именем называли детей, чтобы предохранить от беды. Магической силой обладали и его отдельные части. Так, шерсть барана служила талисманом. Над входом в дом укрепляли рога барана-кочкара. Они, по существовавшему представлению, должны были охранять дом от «дурного глаза». Считалось, что точно так же воздействуют и изображения рогов барана.

Такой же магической силой обладали и другие животные. Например, петух считался спутником божества Сраоша, которое защищало людей от демонов и злых духов.

Вера в сакральную силу животных уходит в глубокую древность. Об этом свидетельствуют скульптурные головки животных и птиц на крышках оссуариев.

На многочисленных наскальных рисунках изображены животные-тотемы. К сожалению, связать отдельные тотемы с каким-либо конкретным коллективом затруднительно, поскольку у большинства народов Средней Азии не сохранилось родоплеменное деление. Счастливым исключением из общего правила являются, пожалуй, киргизы. Так, известны названия киргизских родов: Багиш (лось), Сары-Багиш (Желтый лось) и др. Известна генеалогическая тюркская легенда, по которой

Рис. 3. Кайрагач. Ритоны и курильница

праотец тюрков родился от волчицы-матери. Приведенные свидетельства являются веским доводом в пользу существования тотемизма в Средней Азии, и в частности в Фергане.

С.П.Толстов доказал, что бык являлся тотемом одной из фратрий иранских племен, живших в Средней Азии [Толстов, 1935, с. 3—41; Снесарев, 1969, с. 311 и сл.].

Значительное место в верованиях древних ферганцев принадлежало астральным культам. О почитании планет есть сведения у древних авторов. Сакральные

свойства планет нашли отражение в Авесте. Солнце, Луна, планеты обладали оплодотворяющей и очищающей силой.

Известно, что в согдийском календаре, приведенном Бируни, дни недели посвящались планетам. Первое место среди них принадлежало Солнцу (воскресенье), второй день посвящен Луне (понедельник). В пехлевийском тексте «Города Ирана» говорится о храме в Самарканде, посвященном семи божествам. Имена этих божеств сохранились в названиях семи дней недели согдийского календаря эпохи раннего средневековья.

Культ лунного и солярного божеств отразился в украшениях, находимых на поселениях и могильниках. Это — бронзовые бляшки дисковидной и полулунной формы. В одном из курганов Карабулакского могильника была найдена пластинка сердцевидной формы, на которой изображены две человеческие головы — мужская и женская, обращенные друг к другу. Мужское лицо безусое и безбородое. На волосах — диадема, украшенная перлами. На затылке — шаровидный пучок. Над головой — сияние в виде радиально расходящихся лучей, идущих от лба к затылку.

У женщины прямой нос, слабо обозначенный подбородок, волосы собраны на затылке в пучок. Перед головой — полумесяц. Эти два главных атрибута — лучистый венец и полумесяц — позволяют предположить, что изображения носят культовый характер и являются воспроизведением солнечного и лунного божеств.

В связи с этим следует отметить, что антропоморфные изображения небесных светил часты в древнем и средневековом искусстве Средней Азии и Востока в целом. Например, женское лунное божество встречается на реверсе кушанских монет, где оно сопровождается надписью «Selen» или «Mas», что означает Луна [Беленицкий, Баруздин, 1961, с. 21—27].

В честь светил возводились посвященные им храмы. Известно, что храмы Солнца были в раннесредневековых Пайкенде и Бухаре. В Бухаре же был базар под названием «Мах», что означает Луна, где продавали небольшие скульптуры. Может быть, здесь был храм Луны?

Средневековый автор ал-Шахристани писал о храме Солнца в Касане: «К ним (древним храмам. — Г.Б.) относится храм Каусан, построил его царь Каус. Это было удивительное здание, посвященное Солнцу, в столице Ферганы. Его разрушил ал-Мутасим. Ал-Шахристани название храма связывает с именем легендарного царя Ирана Кауса, но А.М.Беленицкий был склонен считать более правомерным отражение в нем названия столицы Ферганы Касан» [Беленицкий, Баруздин, 1961, с. 2 и сл.].

Культ Солнца нашел отражение в погребальных сооружениях. В курганах разных эпох на обширной территории под курганными насыпями открыты каменные выкладки. Они были выложены вокруг могил, а иногда большим кольцом окружали всю площадь кургана. В юго-западной Фергане, в местности Ташрават и Оут-Сай, под курганными насыпями на уровне древнего горизонта открыты кольцевые выкладки. Особенно интересен большой курган в Оут-Сае (первые века н.э.). Его земляная насыпь была облицована крупными камнями, положенными в один слой. Под насыпью на уровне древнего горизонта находились каменные выкладки. Три полукольца из крупных камней располагались вдоль южного и восточного края, примыкая к кольцу, окружающему подкурганную площадку. На восточной половине площадки, почти в самом центре, находилась еще одна кольцевая выкладка. В ее центре, в неглубокой овальной ямке, в скорченной позе лежал расчлененный костяк. Других погребений в кургане не обнаружено. Видимо, площадка была

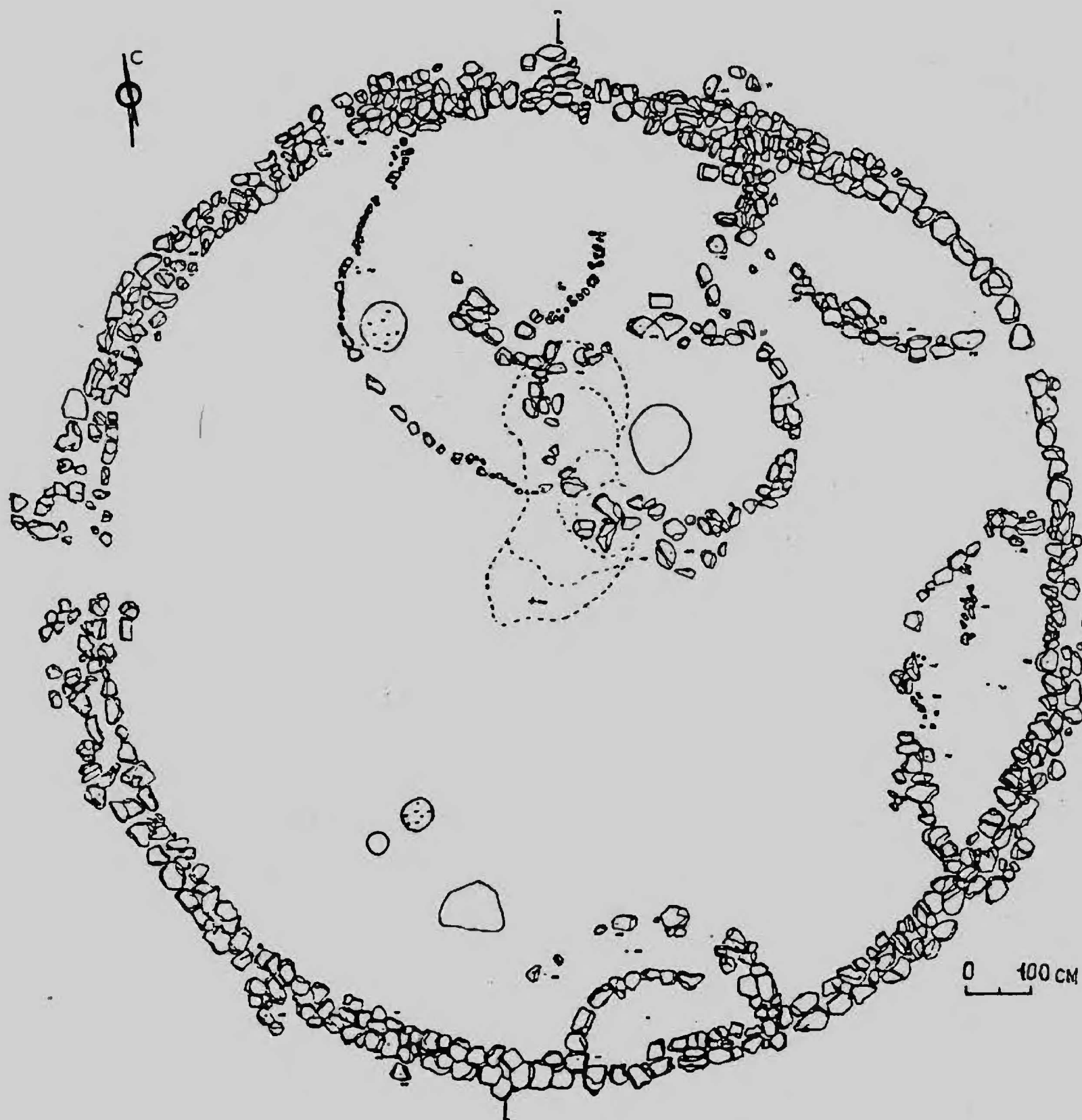

Рис. 4. Оут-сай — план кургана с каменными выкладками

культовым местом, выкладки-полукольца отражают солярный культ, а на площадке совершались какие-то действия в честь Солнца (рис. 4).

С культом Солнца был связан культ огня. Почитание огня в Средней Азии имеет длительную традицию. С древнейших времен существовало представление об огне как об очистительной силе. Место очага в доме считалось священным. Именно в очаг в день поминовения ставили пимеки — священные лучинки, возжигавшиеся в честь усопших предков. Пимеки втыкают в очаг, указывая, какому предку они предназначены.

Огонь играл большую роль и в погребальном обряде. Трупосожжение, сожжение надмогильных сооружений связаны с верой в очистительную силу огня. Огонь в погребениях символизировала красная краска, охра. Связь возжигания огня с по-

гребальным культом подтверждается изображениями на оссуариях. Современные узбеки зажигают огонь на могилах [Андреев, 1927, с. 11].

В классовых обществах древнего Востока культ огня приобретает форму государственной религии. Возводятся храмы огня, архитектура которых подчинена определенному канону. Храмы, как правило, включали обширные четырехугольные залы с большим круглым или прямоугольным очагом. Помимо зала в храме была и комната, где хранился вечный огонь. В раннесредневековых письменных источниках упоминаются храмы огня в Бухаре, Самарканде, Рамитане [Нершахи, 1897, с. 30—31].

Специальные постройки, где возжигался священный огонь, отмечались при исследовании памятников Средней Азии неоднократно. В частности, дом огня (алоу-хана) был открыт на Джанбас-кале в Хорезме [Толстов, 1948, с. 98]. Храмы, где предполагается поклонение огню, обнаружены и на других памятниках Хорезма. Это прежде всего Топрак-калинский комплекс: Высокий дворец, культовые здания в загородном дворцовом комплексе, храм в городе и другие сооружения [Рапопорт, 1993, с. 171 и сл.; Рапопорт, 1996, с. 70 и сл.; Неразик, 1997, с. 50—52].

В Фергане места почитания огня открыты в нескольких пунктах. В Касане раскопано помещение (VI—VIII вв.), которое, как полагал А.Н.Бернштам, было культовым. В нем находился большой овальный очаг. В очаге лежали куски дерева и толстый слой пепла. А.Н.Бернштам считал, что очаг был культовым, а помещение, где находился очаг, он сопоставлял с домом огня, аналогичным открытому С.П.Толстовым на Джанбас-кале [Бернштам, 1952, с. 239]. О храме огня в Касане писал ал-Шахристани, а жителей этого города он называл огнепоклонниками-мугами.

На центральной площадке Гайрат-тепе (памятник V в. н.э. в северо-восточной Фергане) находился большой прямоугольный очаг с прокаленными стенками, заполненный белой золой. Вокруг него располагались восемь маленьких очагов, стенки которых также прокалены (рис. 5). В.И.Козенкова считает комплекс культовым и сопоставляет его с так называемыми «сигналами», вариантами зороастрийского храма. Культовый характер очагов подчеркивался бережным отношением к пеплу; который был аккуратно уложен и обмазан сверху глиной [Козенкова, 1964, с. 226, 236].

Еще один храм был открыт нами в южной Фергане на городище Майда-тепе (IV—V вв. н.э.). В центре этого городища находилось большое здание, значительная часть которого была занята парадными помещениями. В южном углу располагался почти квадратный в плане четырехколонный зал площадью 50 кв. м. В его юго-восточной стене находилась глубокая ниша, возле которой открыто прямоугольное возвышение. Вдоль стен зала тянулись суфы (рис. 6). Напротив ниши расчищен большой напольный очаг прямоугольной формы, огражденный глинобитным бортиком. Под и стены очага сильно прокалены. На полу около него — следы длительного и интенсивного воздействия огня. К югу от очага располагалось прямоугольное возвышение, заполненное золой и покрытое сверху глиной. Это, очевидно, место хранения золы из священного очага. В зале совершались церемонии, связанные с поклонением огню и каким-то реликвиям. Они находились в нише, а молящиеся сидели на суфах [Брыкина, 1973, с. 115].

Поклонение огню предшествовало всем наиболее важным делам. В каждом доме имелись отдельные комнаты или специальные места, где совершалось поклонение огню.

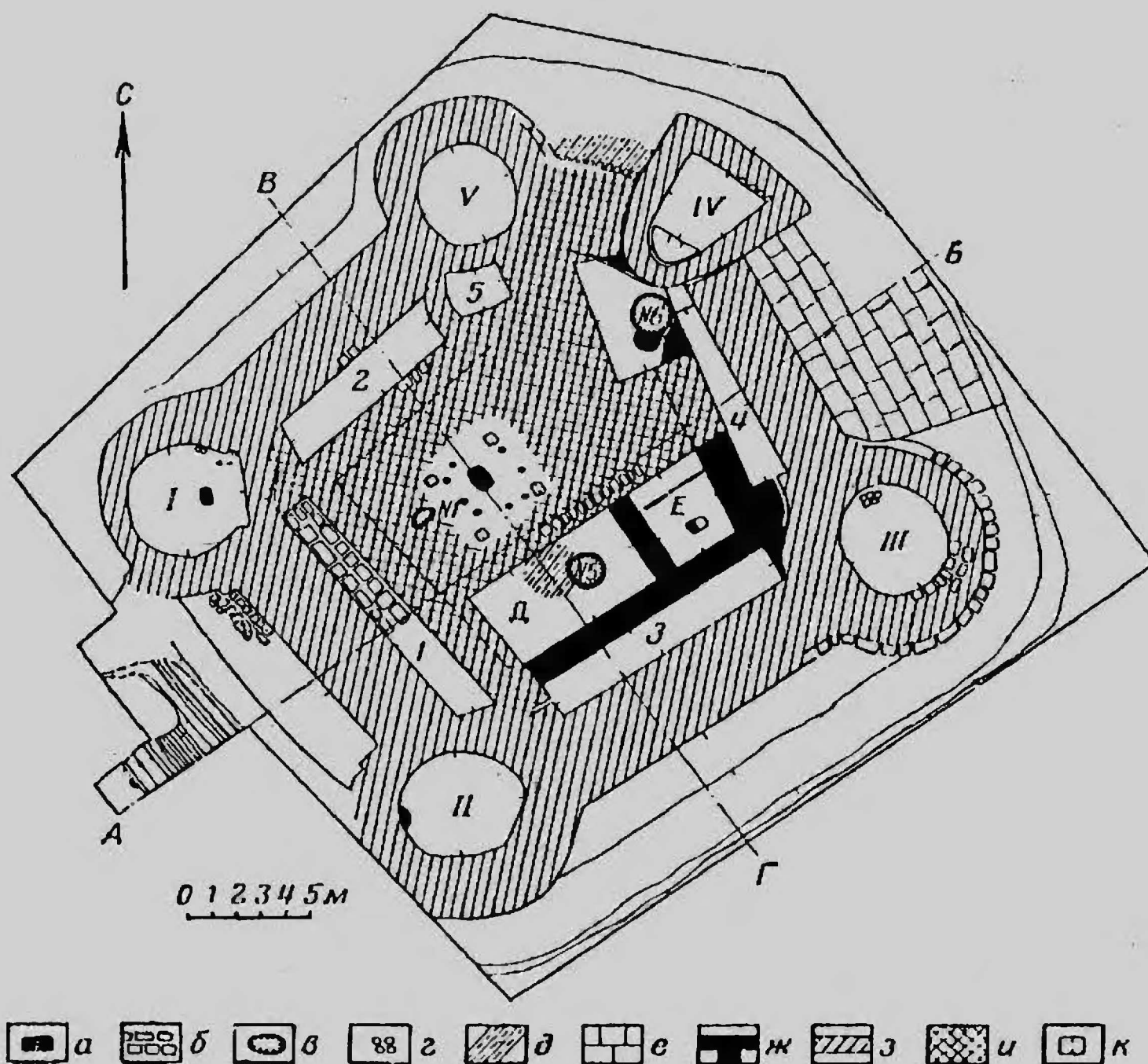

Рис. 5. Гайрат-тепе. План: а — очаг, б — регулярная сырцовая кладка, в — яма, г — камни, д — органические остатки, е — глинобитный контрфорс, ж — кирпичная стена, з — пахсовая стена, и — поверхность второго строительного периода, к — ямки от опорных столбов; I—V — башни; 1—4 — коридоры, 5 — батраб; Д, Е — центральные помещения

В Средней Азии существовал ряд культов, атрибутами которых были антропоморфные изображения. Это — идолопоклонничество, астральные культы, культ предков и связанные с последним профессиональные культы.

Идолопоклонничество было широко распространено в Средней Азии с древнейших времен. Исследователи считают его предшествующим и антагонистичным культу огня. Это подтверждается исторической традицией: в «Шах-наме» описывается принятие Виштаспом зороастризма и строительство храма огня: «Идолов в капище они сожгли, вместо идолов огонь они зажгли» [Беленицкий, 1959].

В китайских хрониках Таншу и Бэйши встречаются сведения об идолах в Западном Цао: «На северо-восток, минуя город Юй-ди, есть храм духу Дэси. Жители поклоняются ему. В этом храме есть золотая утварь с надписью, что сия утварь пожалована Сыном Неба из династии Хань» [Бичурин, 1950а, с. 313]. В хронике Бэйши есть более пространственные сообщения об облике идола и об обрядах, которые совершаются в храме. Идол Дэси имел антропоморфный вид, ежедневно в жертву

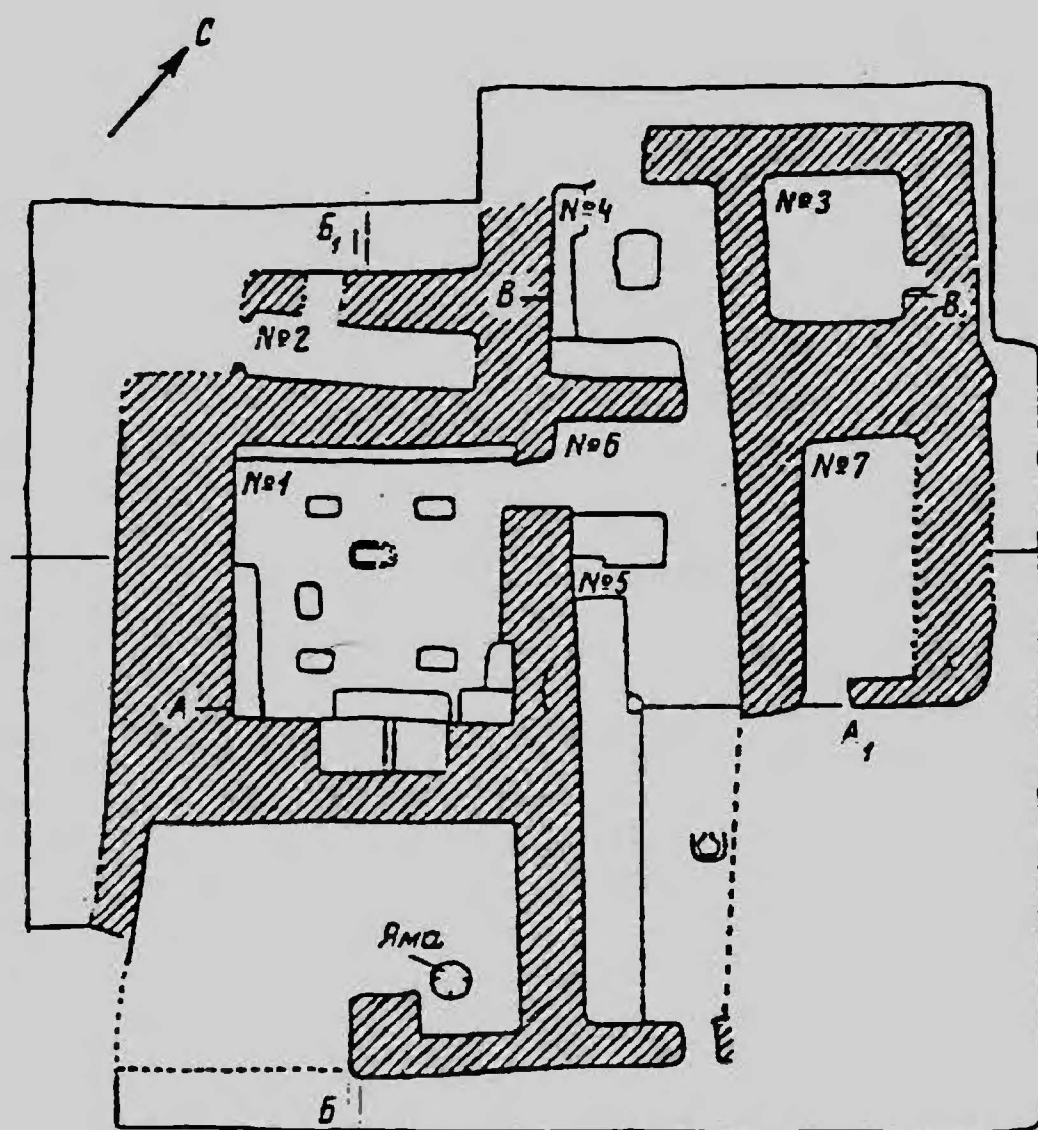

Рис. 6. Майда-тепе. План

ему приносилось огромное количество различных животных — верблюдов, лошадей, баранов. Животных закалывали, потом совершалась коллективная трапеза. В этом источнике указывается, что место, где находился храм, — «владение Цао» — это древняя кангюйская земля [Бичурин, 1950а, с. 275].

Отдельные случаи идолопоклонничества отмечены этнографами и у современных народов Средней Азии. Многочисленные сведения об идолопоклонничестве находим у арабских историков и географов. Из их сообщений следует, что арабы, пришедшие в Среднюю Азию, сталкивались с идолопоклонничеством повсеместно. Они отмечали как отдельные культовые места, так и обширные капища, где были сосредоточены огромные богатства. Богатейшие храмы были в Самарканде, Рамитане, Пайкенде. Арабы разрушили эти храмы, а все богатства разграбили. В Бухаре храм находился в арке (цитадели). Впоследствии на его месте была построена мечеть. На дверях домов и замков Бухары были вырезаны изображения идолов, на каждом доме — свой. На базаре Мах два раза в год продавали идолов. «Каждый, кто потерял своего идола или сломал, мог в день торга купить себе нового идола и унести домой» [Нершахи, 1897, с. 50—51]. Из этого сообщения Нершахи следует, что каждый член коллектива имел своего личного идола. Оно особенно важно в связи с находками маленьких алебастровых идолов в святилище усадьбы Кайрагач (IV—VI вв.) и в ферганских курганах того же времени, являвшихся, очевидно, личными божествами-оберегами отдельных членов коллектива. Они хранились дома в специальных нишах. В отдельных случаях их помещали в погребение, чаще всего женщин, где они выполняли функции спутника умершего (могильники Ташрават,

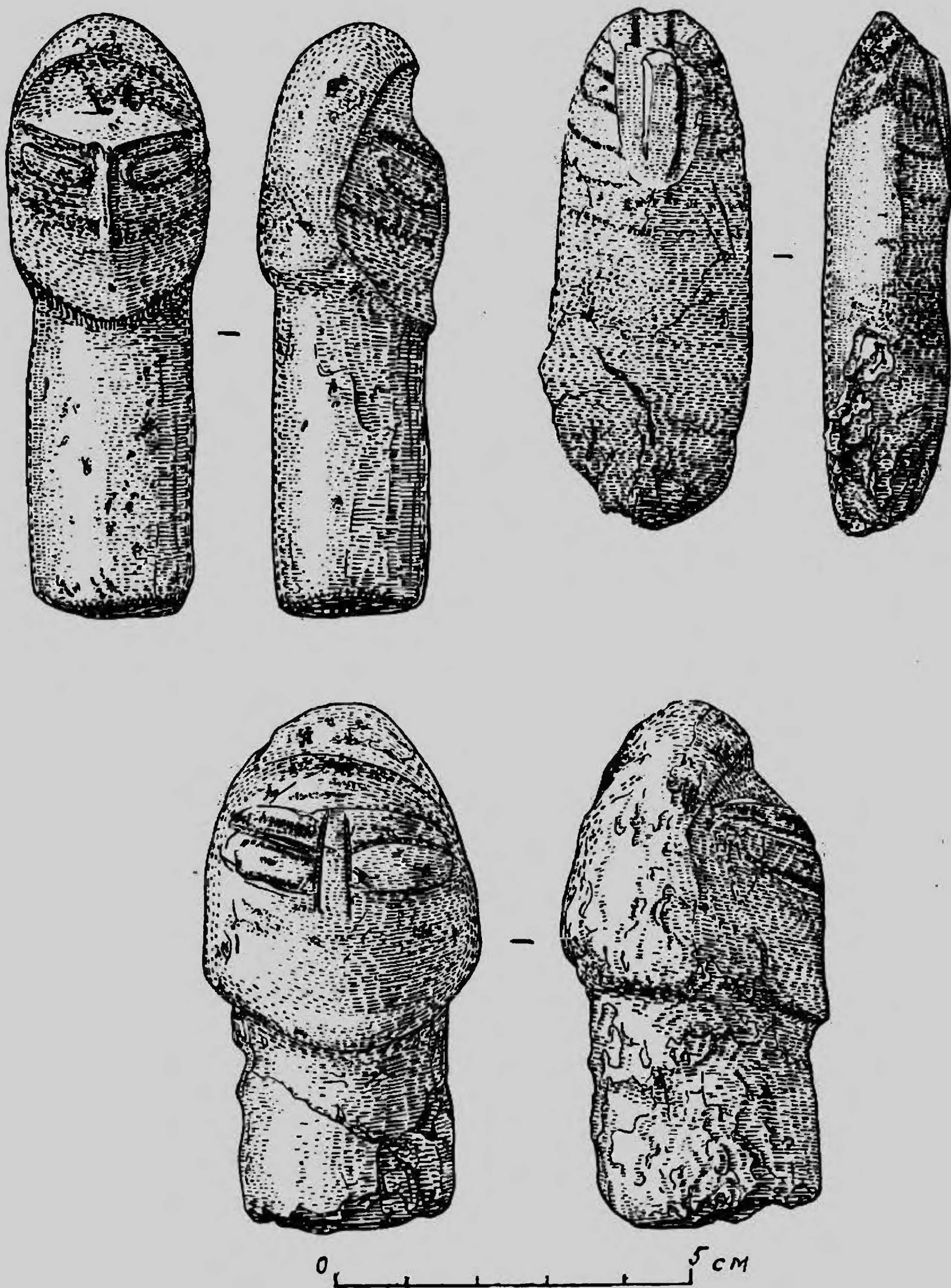

Рис. 7. Идолы из курганов Ташравата

Ворух) или его заместителя (кенотаф в могильнике Тура-таша) [Баруздин, Брыкина, 1962; Брыкина, 1982; Брыкина, 1987, с. 52; Брыкина, Трунаева, 1995, с. 73, рис. 1—6] (рис. 7).

В Уструшане идолопоклонничество было распространено весьма широко. Сам правитель области ал-Афшин-Хайдар, по словам ал-Масуди, «был мусульманином лишь по виду». На самом деле он исповедовал веру своих отцов, за что был призван к суду и наказан [Негматов, 1954].

В рукописи Мухаммеда Яваза приводятся сведения об идолопоклонничестве у киргизов в XVII в. Эта рукопись посвящена житию среднеазиатского шейха Ходжи Исхака, подолгу жившего среди киргизов и обратившего в мусульманство около 180 тыс. кафи́ров и идолопоклонников. В рукописи описаны капища идолопоклонников, находившиеся в районе Кашгара и Самарканда, а также главный идол киргизов (бут). Он был сделан из серебра и висел на дереве в окружении множества маленьких идолов из дерева и камня. Ритуал поклонения сопровождался общей трапезой верующих и кормлением идола.

Обращает на себя внимание сходство ритуала поклонения киргизскому идолу и упомянутому выше духу Дэси. В обоих случаях поклонение божествам сопровождалось жертвоприношениями, коллективной трапезой и кормлением божества. Видимо, этот ритуал был широко распространен и имел стойкую традицию. Только этим можно объяснить то, что он встречается и в XVII в. Этнографы свидетельствуют, что у современных народов после принятия ислама сохраняется множество обрядов и поверий, которые считаются реликтами доисламских верований [Снесарев, 1969, с. 102]. Все обряды совершались ограниченными группами людей, объединенных в секты. Одну из таких сект наблюдал М.С.Андреев в районе Каттакургана. Местные жители, говоря об идолопоклонниках, употребляли выражение *куурчак касыгич падилер* (они прибегают к куклам или уповают на кукол). Идолов было два: мужской и женский, оба сделаны из дерева и одеты в белые одежды. Идолы хранились в разных кишлаках, в одних и тех же семьях на протяжении многих поколений. Они были покровителями и исцелителями. К ним обращались в случае личной болезни или болезни близких родственников [Андреев, 1925].

С семейным культом связаны небольшие фигурки из олова или свинца, иногда из серебра, завернутые в красные или синие ткани (*кут*). Эти фигурки бытовали у киргизов и ферганских таджиков. *Кут* считался символом счастья дома, и семья, обладавшая им, должна была иметь много скота и детей [Андреев, 1929, с. 113]. *Кут* бережно хранился в укромном месте дома, а хранительницей его была старшая в семье женщина.

Этнографы считают, что истоки обычая иметь семейный оберег следует искать в глубокой древности. А то обстоятельство, что хранительницей *кут* была женщина, заставляет видеть в этом обычае отголоски верований материнского рода [Баялиева, 1969].

Видимо, когда арабы писали об идолах, они имели в виду вполне конкретные изображения, отличающиеся от божеств буддийского, христианского и других пантеонов. В этом убеждает то обстоятельство, что во всех арабских источниках от X до XVI в. идолы называются одинаково: *бут*. Как показали исследования этнографов, идолы *кут* и *бут* являлись покровителями больших коллективов — целых общин или отдельных семей. Храмы, где стояли идолы, олицетворявшие богов, которым поклонялись, нужно связывать с местными верованиями.

Рис. 8. Кайрагач. Наус № 1, вид с юга

В Авесте фигурируют духи дома и семьи, умершие родичи нманья, которые после смерти заботятся о благополучии семьи. Упоминаются также духи рода и племени. В.А.Лившиц сопоставляет нманья с авестийскими фравашами — ангелами-хранителями и одновременно с душами всего сущего. Он полагает, что нманья изображались в виде идолов, и сравнивает их с теми, что продавались на базаре Мах в Бухаре [Лившиц, 1963, с. 140]. По Авесте, фраваша — это могущественные души умерших предков. Они почитались потомками и принимали от них жертвоприношения.

Ю.А.Рапопорт обращает внимание на сходство обрядов, которые сопровождают годовые праздники в Средней Азии, совершавшиеся в честь предков и в честь фравашей [Рапопорт, 1971, с. 81].

Культовый предков был распространен на этой территории с древнейших времен. Он пронизывал все сферы деятельности как скотоводческого, так и земледельческого населения. По данным этнографии, характерной чертой этого культа является помощь умерших оставшимся в живых сородичам. Без поклонения духам предков, без совета с ними не совершалось ни одно сколько-нибудь серьезное дело в семье.

Культовый предков ведет начало от поклонения останкам умерших, сопровождавшегося жертвоприношением непосредственно на кладбищах. Так, в Кайрагаче на площадке около науса (рис. 8) открыты следы кострищ, остатки обожженных костей, масса разбитых сосудов. Среди последних найден ритон, над сливом которого — протомы барана. Перед входом в наус лежала вылепленная из глины, покрытая светло-красной краской голова человека. Впоследствии совершение этих обрядов было перенесено в специальные сооружения, где останки умерших предков заменились их изображениями.

Днем поминовения умерших и поклонения их духам был Науруз — Новый год. Этот день совпадал с днем весеннего равноденствия. С ним связаны представления об умирающей и воскресающей природе. В этот день готовилась специальная еда для духов предков. Каждая еда сопровождалась молитвами в честь умерших.

Об обрядах поклонения предкам, совершавшихся хорезмийцами и согдийцами, писал Бируни, обративший внимание на сходство этих обрядов у обоих народов. Он отмечал также, что обряды хорезмийцев и согдийцев сходны с теми, что совершают персы. У персов дни ферварджана совпадают с началом Нового года и приходом весны. «В эти дни люди ставили кушанье в наусы мертвецов, а напитки на крыши домов» [Бируни, 1957, с. 236].

Хорезмийцы и согдийцы, пишет Бируни, делают то же, что и персы, — ставят еду и напитки в наусы для духов предков. Согдийцы плачут и царапают себе лица.

Есть обстоятельные описания не только самих храмов предков в Самарканде и Ташкенте, но и ритуала, которым сопровождалось поклонение предкам. В области Ши (Ташкент) объектом поклонения была урна с прахом. «По юго-восточную стену резиденции есть здание, посреди которого поставлено седалище. В 6-м числе первой луны поставляют на этом престоле золотую урну с пеплом сожженных костей покойных родителей владетелей, потом обходят кругом престола, рассыпая пахучие цветы и разные плоды. Владетель с вельможами поставляют жертвенное (мясо). По окончании обряда владетель с супругой отходят в особливую ставку. Вельможи и прочие по порядку садятся, а по окончании стола расходятся» [Бичурин, 1950а, с. 272—273].

А.М.Мандельштам на основании того, что день приношений в самаркандском храме совпадал с днем поминовения усопших, полагал, что сам храм был царской усыпальницей правящей династии Самарканда и вместе с тем центром династического культа [Мандельштам, 1964, с. 86—87].

Своеобразным династийным храмом царских предков был зал царей, открытый в Топрак-кале. Здесь, как полагал С.П.Толстов, «находилась портретная галерея династии хорезмийских сиявушидов». Огромные сидящие статуи изображали царей, а окружающие их изваяния — членов семей, богов-покровителей [Толстов, 1948а, с. 186].

В Шахристанском дворце, который рассматривается в качестве резиденции уструшанских афшинов, местом поклонения династийным предкам был малый зал дворца. Н.Н.Негматов полагает, что на задней его стене изображен предок уструшанской династии [Негматов, Соколовский, 1977, с. 152—153].

В Пенджикенте культовые помещения были обязательной принадлежностью каждого дома. Они, как правило, находились на втором этаже [Распопова, 1973, с. 38].

Установлено, что домашние храмы имели различную структуру. Они могли включать одну или несколько комнат, что, видимо, было обусловлено значимостью культа. В пенджикентских капеллах с пристенными алтарями нет изображений богов; объектами поклонения здесь были изображения умерших и почитаемых предков [Беленицкий, Маршак, 1976, с. 83].

В большинстве же среднеазиатских построек просто выделялись культовые места в жилых комнатах. Г.А.Пугаченкова, например, отмечает наличие таких мест в жилых комнатах Дальверзина. Они имели вид ниш с прямоугольными оградками, заполненными золой. В нишах хранились атрибуты культа [Пугаченкова, 1976, с. 39].

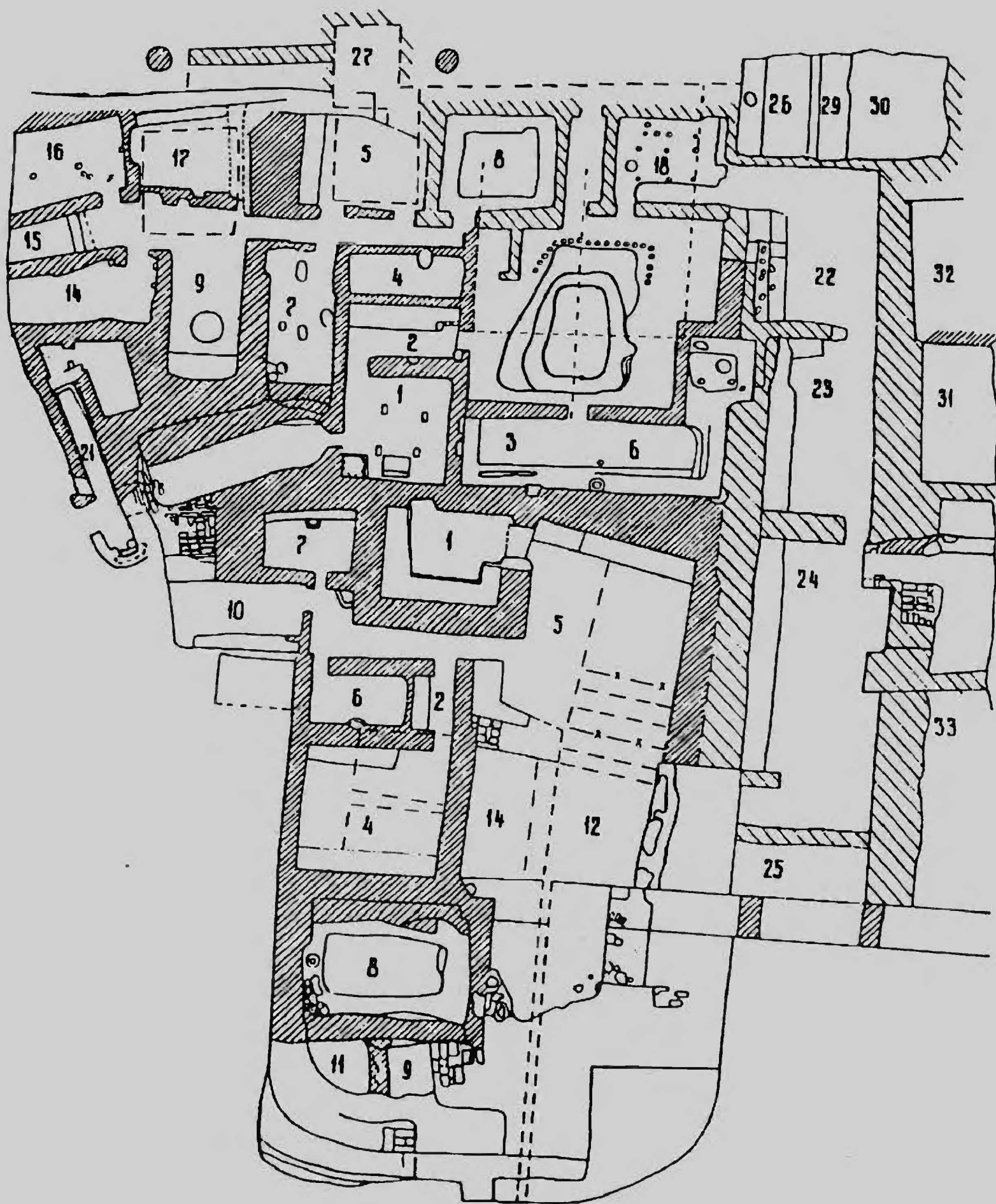

Рис. 9. Кайрагач. План усадьбы

В Кайрагаче в большом здании, занимавшем мыс на высокой террасе на левом берегу р. Ходжа-Бакырган (рис. 9), находился храм предков. Он располагался на нижней площадке памятника и включал в себя пять комнат и примыкавший к ним большой двор с глубоким водоемом [Брыкина, 1982, с. 40] (рис. 10). Из храма происходят 12 раскрашенных скульптур, сделанных из алебастра, глины и камня. Главные обряды совершались в святилище перед постаментом у южной стены, где

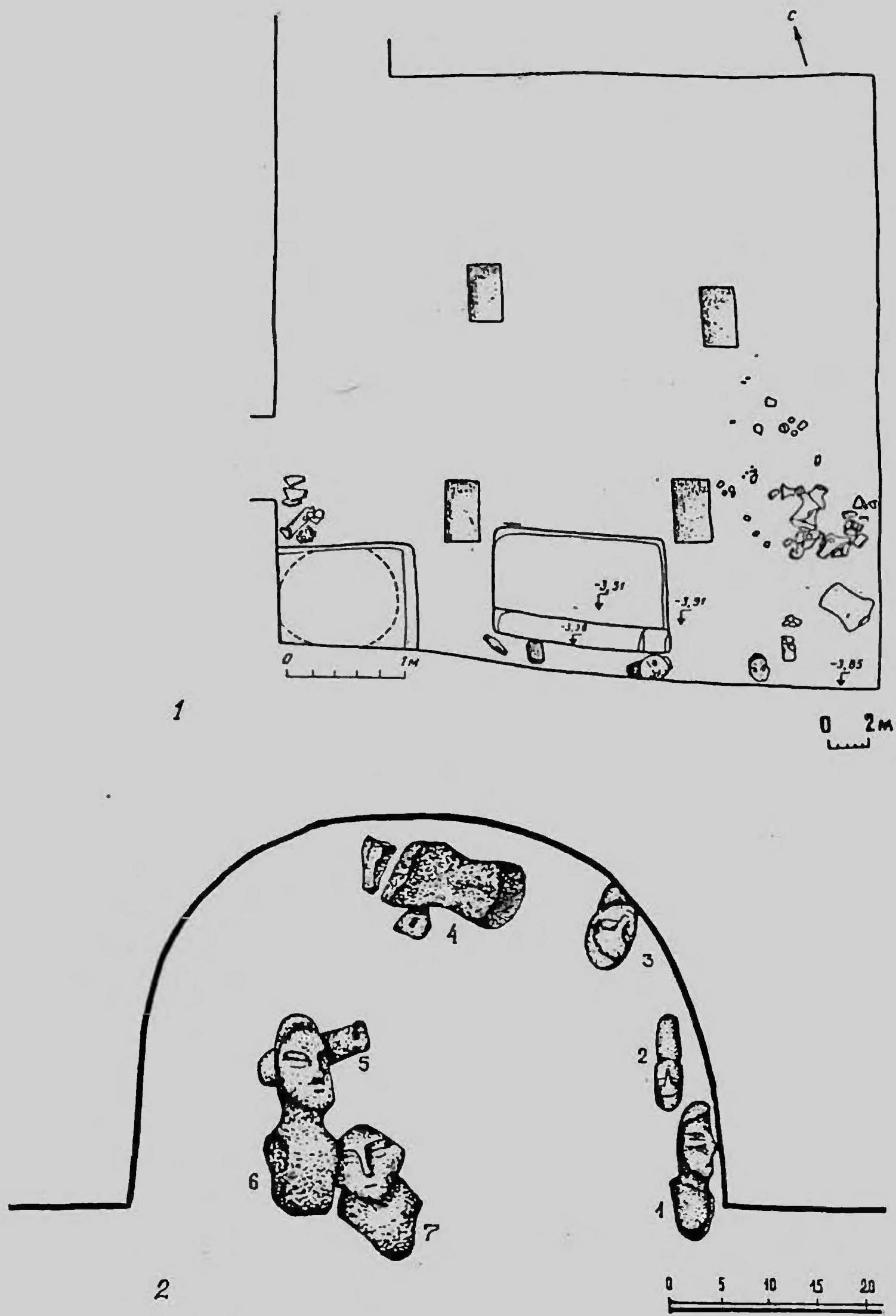

Рис. 10. Кайрагач: 1 — план святилища; 2 — идолаы в нише

стояли большие статуи, являвшиеся объектом поклонения всего коллектива, и в небольшой проходной комнате перед нишей, где лежали семь маленьких фигурок, принадлежавших отдельным представителям общины и являвшихся олицетворением их личных покровителей (рис. 10, 2).

Обряд сопровождался приношениями. На постаменте (рис. 11) в западном углу святилища лежал мешочек с украшениями, амулетами и монетой чачского чекана. Священный огонь возжигался в большом очаге в центре святилища и в трех курильницах, а также в двух больших комнатах на верхней площадке памятника.

Особое место в верованиях принадлежало профессиональным культам. Связь их с культом предков бесспорна. В культе бесчисленных святых значительную роль играли «отраслевые» святые — основатели и покровители определенных занятий и ремесел.

Духи умерших мастеров были окружены заботой и вниманием. В их честь приносили жертвы, читали молитвы. Ремесло часто бывало наследственным. Поэтому поклонение духам приняло форму семейного родового культа предков.

Удалось установить, что образы патронов-покровителей имеют очень древние корни, причем лучше всего они прослеживаются в женских ремеслах — ткачестве и особенно гончарстве [Сухарева, 1960, с. 120, 196]. Женщины-гончары очень часто прибегали к всевозможным магическим действиям и помощи патронов-покровителей при обжиге сосудов. Как и у современных народов, в древности, видимо, наиболее почитаемой была профессия кузнеца и истоки культа кузнеца следует искать в глубине веков. Поклонение кузнечному ремеслу было связано с культом огня, с его могущественной силой. Очень интересные сведения о культе первого кузнеца в Шугнane приводит И.И.Зарубин: «Даже место, где была кузница, почитается; несколько лет работал кузнец в одном месте, потом перешел в другое; старое место окружили оградой, и поныне оно почитается, как мазар. Из орудий кузнечного ремесла особенно почитается наковальня: *pulkzir* (камень, на котором куют большие куски железа, большая каменная наковальня) и *sahdun* (небольшая железная наковальня, вбитая в большой деревянный обрубок); всякий, приближаясь к ним, совершает зиорат» [Зарубин, 1926, с. 1165]. В связи с этим большой интерес представляет находка в святилище Кайрагач двух предметов, совершенно очевидно имевших отношение к производственной деятельности. Около постамента были найдены большой проушной топор и небольшая железная наковальня. Эти находки проливают свет на характер культа, атрибутами которого являются скульптуры. Весьма вероятно, что они олицетворяли родоначальников — патронов профессии кузнеца.

С культом предков связаны культы плодородия. Одним из них был фаллический культ, широко распространенный у многих народов с древнейших времен. Он проявляется и в верованиях древних ферганцев. Так, в одной из комнат Кайрагача обнаружены фаллосы из необожженной глины. Они были аккуратно сложены в небольшую ямку в суфе. Атрибутами фаллического культа принято считать статуэтки и наlepные изображения на сосудах с подчеркнутыми признаками пола. Фаллос — символ воспроизводящей силы природы. Совершение обрядов, где фигурировал фаллический культ, должно было обеспечить плодородие полей и связанное с ним материальное положение коллектива.

Исходя из всего сказанного, следует считать, что особое место среди культовых памятников Ферганы принадлежит усадьбе Кайрагач. Открытие этого комплекса показало, что именно здесь был культовый центр большой области. Помимо святилища со статуями богов упомянем еще ряд обширных комнат с суфами вдоль

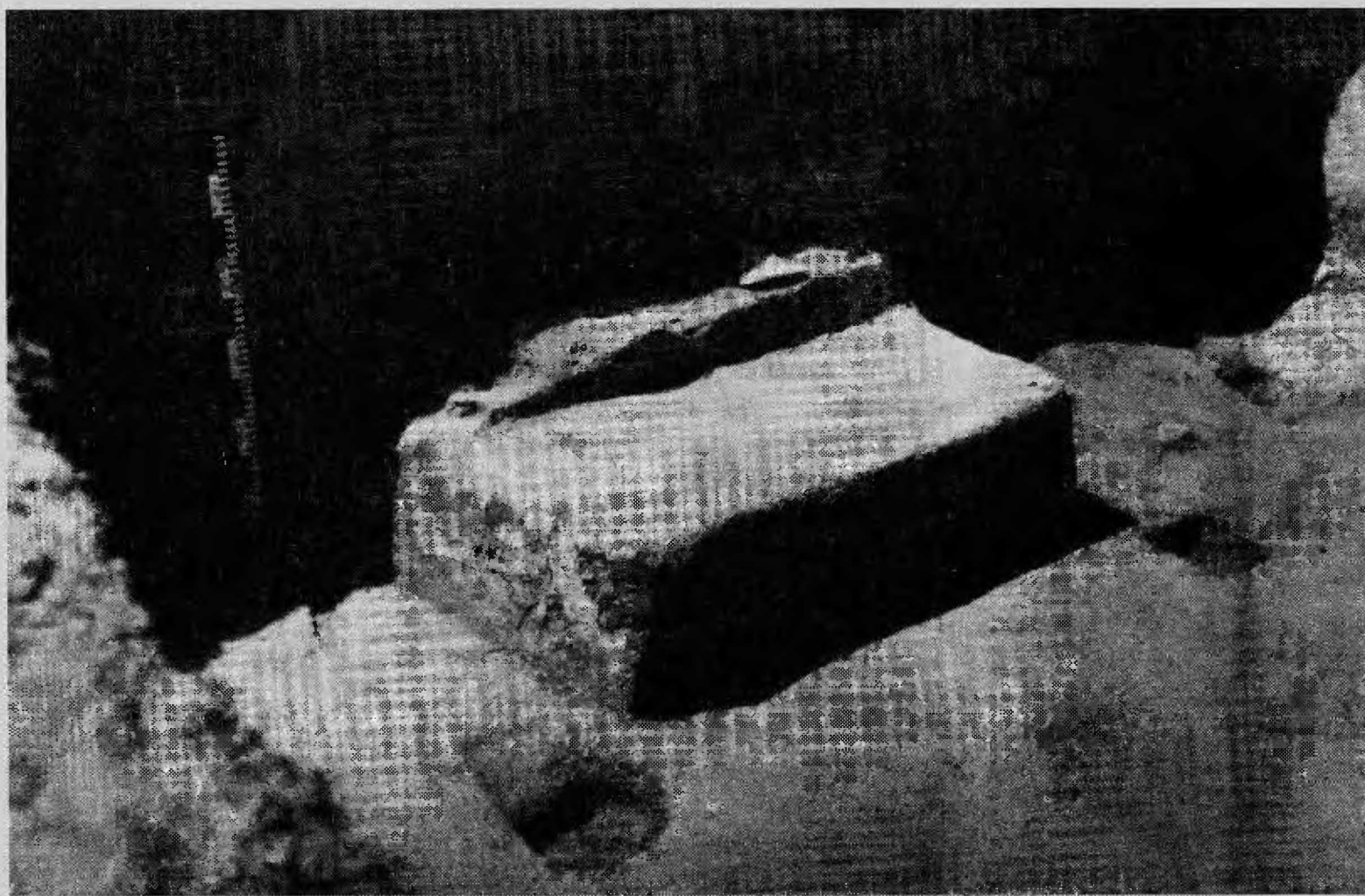

Рис. 11. Кайрагач. Постамент у южной стены святилища

стен и очагами в центре и обширный двор с водоемом, где могло поместиться большое количество молящихся.

В усадьбе обнаружено множество бытовых предметов, среди которых преобладают хумы. На них имеются прочерченные по сырой глине и нанесенные штампом знаки, причем они не повторяются. Исключением является ромб с отростками-усами, символизирующий дерево. Некоторые знаки сходны с монетными тамгами Чача, Уструшаны, Согда.

А.М.Беленицкий, рассматривая хумы со знаками из пенджикентских храмов, высказал предположение о том, что они являлись приношением от отдельных лиц, в том числе и от царских особ. Может быть, и кайрагачские хумы можно рассматривать как приношения храму. Судя по многочисленности и разнообразию знаков, круг дарителей был весьма широк: кайрагачские знаки имеют аналогии в материалах Ташкента и Пенджикента. Все это позволяет предположить, что изображения богов из кайрагачского комплекса чтились населением обширной области.

Андреев, 1925 — Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. — Известия ТОРГО. 1925, т. 17.

Андреев, 1927 — Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Пандшир (материалы из поездок в Афганистан в 1926 г.). Таш., 1927.

Андреев, 1929 — Андреев М.С. Поездка летом 1928 г. в Касанский район (Северная Фергана). — Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами. Таш., 1929, т. 1.

Баруздин, Брыкина, 1962 — Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.

- Баялиева, 1969 — Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Автореф. канд. дис. Л., 1969.
- Беленицкий, 1959 — Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда (по материалам пянджикентских храмов). — Живопись древнего Пянджикента. М., 1959.
- Беленицкий, Баруздин, 1961 — Беленицкий А.М., Баруздин Ю.Д. Бронзовая пластинка из Карабулакского могильника. — КСИА. 1961, вып. 86.
- Беленицкий, Маршак, 1976 — Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев в VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Бернштам, 1952 — Бернштам А.Н. Историко-географические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА. 1952, № 26.
- Бернштам, 1952а — Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-таш. — СЭ. 1952, № 2.
- Бируни, 1957 — Бируни Абу Райхан. Памятники минувших поколений. Таш., 1957.
- Бичурин, 1950 — Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М., 1950.
- Бичурин, 1950а — Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М., 1950.
- Борозна, 1975 — Борозна Н.Г. Некоторые материалы об амулетах-украшениях населения Средней Азии. — Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
- Брыкина, 1973 — Брыкина Г.А. Городище Майда-тепе. — КСИА. 1973, вып. 136.
- Брыкина, 1974 — Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.
- Брыкина, 1982 — Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. М., 1982.
- Брыкина, 1987 — Брыкина Г.А. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987.
- Брыкина, Трунаева, 1995 — Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н. Идолы в захоронениях Ферганы. — Памятники Евразии в скифо-сарматское время. М., 1995.
- Васильева, 1986 — Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен. — Древние обряды и культы у народов Средней Азии: Историко-этнографические очерки. М., 1986.
- Зарубин, 1926 — Зарубин И.И. Сказание о первом кузнеце в Шугнанах. — Известия АН СССР. Серия 6. 1926, № 9.
- Козенкова, 1964 — Козенкова В.И. Городище Гайрат-тепе. — СА. 1964, № 3.
- Лившиц, 1963 — Лившиц В.А. Общество Авесты. — ИТН. Т. 1. М., 1963.
- Литвинский, 1981 — Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов у памирцев. — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981.
- Мандельштам, 1964 — Мандельштам А.М. Средняя Азия в VI—VII вв. — ИТН. Т. 2. М., 1964.
- Негматов, 1954 — Негматов Н.Н. Уструшана в борьбе с арабским нашествием (конец VII — первая половина IX в.). — Изв. АН ТаджССР. ООИ. 1954, № 4.
- Негматов, Соколовский, 1977 — Негматов Н.Н., Соколовский В.М. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны. — Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Душ., 1977.
- Неразик, 1997 — Неразик Е.Е. Раннее средневековье в Хорезме. — ЭО. 1997, № 1.
- Нершахи, 1897 — Нершахи. История Бухары. Пер. Н.Лыкошина. Таш., 1897.
- Писарчик, 1987 — Писарчик А.К. Пережитки культа ивы у таджиков. — Прошлое Средней Азии. Душ., 1987.
- Помаскина, 1976 — Помаскина Г.А. Когда боги были на земле (наскальная галерея Саймалы таш). Фрунзе, 1976.
- Пугаченкова, 1976 — Пугаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом (К вопросу об архитектурной типологии). — История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Рапопорт, 1971 — Рапопорт Ю.А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
- Рапопорт, 1993 — Рапопорт Ю.А. Загородные дворцы и храмы Топрак-калы. — ВДИ. 1993, № 4.
- Рапопорт, 1996 — Рапопорт Ю.А. Религия древнего Хорезма: некоторые итоги исследований. — ЭО. 1996, № 6.
- Распопова, 1973 — Распопова В.И. Типы строений и социальная дифференциация горожан Пенджикента. — Древний город Средней Азии. М., 1973.
- Снесарев, 1969 — Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М., 1969.
- Сухарева, 1960 — Сухарева О.А. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков. — Труды АН ТаджССР. 1960, т. 120.

- Толстов, 1935 — Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — ПИДО. 1935, № 9—10.
- Толстов, 1948 — Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов, 1948а — Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
- Шер, 1978 — Шер Я.А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-таш. — Культура Востока в древности и раннем средневековье. Л., 1978.